

ВОЙНЫ XXI ВЕКА

Независимый журнал. - 2001. - 14 част. - с. 12

Обойтись наименьшими потерями пока не удастся

МИСТЕР ДЖОРДАН, вы много пишете о войнах, о психологии человека на войне. Это действительно вашего вьетнамского опыта?

— Нет, мое знание стратегии и тактики, знание причин и возможного хода войны относится скорее к истории. Это правда, что я был солдатом и мне приходилось сражаться на поле боя, и тогда (а я был молод и глуп) я многого ожидал от военной карьеры, но теперь я понял: для того чтобы изучить человеческое восприятие войны в будущем и, может быть, изменения в военном деле вообще, сначала мы должны взглянуть, как воспринимались войны в прошлом.

— А разве война может восприниматься по крайней мере нормальным человеком иначе, чем страшная беда?

— Я происхожу из Южной Каролины, США, и наши воспоминания о 130-километровой полосе разрушения, оставленной янки — генералом Шерманом — столь свежи, как будто это событие произошло вчера, а не сто тридцать пять лет назад. И все-таки на протяжении истории менялись и сами войны, и восприятие их как участниками, так и гражданским населением. Начнем с того, что большинство прошлых войн были строго локализованы.

Да, люди знали, на что похожа война. Им было известно, что если война прокатится через них, то будут разрушены их дома, фермы, деревни и города, что война приводит с собой грабителей и мародеров, а смерть ждет не столько солдат, сколько мирных жителей. Но за пять километров от поля боя люди практически не ощущали на себе воздействия этого боя. В результате сражения могли измениться торговые пути, на престол мог сесть другой король, армия могла принести с собой болезни, но, по сути, пять километров оставалось достаточно расстоянием для относительно безопасного существования. Исход сражения между Йорками и Ланкастерами не оказывал заметного влияния на жизнь конкретного мужчины или конкретной женщины, если те не были непосредственно вовлечены в конфликт и не оказывались непосредственно на пути армии.

В этом и была главная особенность восприятия войн начиная от греков и римлян и заканчивая XVII—XVIII столетиями.

— Восемнадцатый век? Начало наполеоновских войн?

— Да, при Наполеоне возникло то, что, на мой взгляд, можно рассматривать, как первое приближение «национальных войн». Когда в дело оказывается втянута чуть ли не вся нация, а то и нации, огромное количество людей призывается на военную службу и совершается попытка подчинить военным интересам промышленность и сельское хозяйство. Когда же было изобретено железнодорожное сообщение, стало возможным быстро перебросить с места на место большое количество солдат, снег и грязь из вопроса стратегического перемещения в разряд тактических. То же произошло и на море. Флот больше не зависел от ветра и мог плыть, куда хотел и когда хотел его адмирал. Развитие сельского хозяйства позволило гораздо меньшему количеству фермеров накормить гораздо больше народа. Добавьте к этому все те же поезда и пароходы для перевозки грузов — армии, находясь в походе, получают все необходимое.

Разумеется, это сопровождается переменой в восприятии людей того, что можно ожидать и что позволено на войне. Столетиями грабей оставался неотъемлемым правом солдат во время похода. Люди оплакивали потери, но никто не считал, что солдаты переступают границы дозволенного. Однако за столетия, последовавшие за наполеоновскими войнами, возникло убеждение, что нельзя трогать гражданских лиц и гражданскую собственность. Разумеется, ни разбой, ни мародерство нигде не исчезли, но люди, по крайней мере гражданские, стали

В рамках уже ставшего традиционным Конгресса фантастов России «Странник», прошедшего в Петербурге ровно год назад, лидеры мировой и отечественной фантастики вместе с профессиональными военными и учеными попробовали представить себе войны грядущего. Многие сошлись на том, что войны будущего — это прежде всего диверсионные войны. Диверсионная война дешевле, но, равно как и полномасштабная, может вывести из строя хозяйственный механизм государства любого размера. С другой стороны, террористическая война является частью информационной войны. Как это ни страшно, но любой теракт следует рассматривать как доведенную до абсурда форму рекламной кампании, пиара. Низкого, преступного, черного, но пиара. Террорист получает известность только благодаря тому, что он жестоко уничтожил множество людей. Отсюда следует достаточно простой вывод: средства массовой информации несут ответственность за разжигание информационных, а следовательно, и диверсионных войн.

Один из разработчиков сценария знаменитой кинотетралогии «Звездные войны» Алан Дин Фостер считает, что частые в современном мире локальные конфликты возникают из-за денег. Эти войны могли не начаться, если бы людям, которые их развязали, в свое время дали достаточно денег и если бы правительства, с которыми эти люди воюют, своевре-

менно уделили им толику внимания. Не перестаешь изумляться тому упорству, с каким упомянутые правительства сначала игнорируют зреющее недовольство, а затем, когда начинается война, пытаются одолеть противника, бросая на чужую мятежников едва ли не всю свою армию под прикрытием стратегических бомбардировщиков.

Один из лидеров американской научной фантастики Лоис МакМастер Буджолд заметила, что у американцев имеется хроническое «слепое пятно» в размышлениях о войне, даже у военных — все они представляют теоретически возможную войну где-либо еще, но не на территории США.

Тема «Войны грядущего», поднятая на пятом Конгрессе фантастов России, получила жуткое, но не такое уж и неожиданное развитие. Рушащиеся на наших глазах небоскребы теперь мы видим не в фильмах-катастрофах, а в документальной хронике, и сотворил такое не мифический Кинг-Конг, а существа, относящиеся, по крайней мере биологически, к виду Homo Sapiens. К несчастью, писатели-фантасты, среди которых и автор необыкновенно популярного и в России сериала «Колесо Времени» ветеран вьетнамской войны Роберт Джордан, говоря о механизмах и специфике войн XXI века, оказались куда ближе к истине, чем те, кто должен был подобно предвидеть и предотвратить, если такое вообще возможно предотвратить.

Американский писатель-фантаст Роберт Джордан (справа) получает премию Конгресса фантастов России «Странник».

считать, что война это дело военных и не должна их касаться.

— Но Первая мировая, а еще больше Вторая мировая достаточно ясно показали, что вера в то, что война тебя обойдет, несостоятельна.

— Этот урок был забыт на следующий день. После завершения Второй мировой случилось нечто беспрецедентное в истории человечества. Мы пятьдесят пять лет прожили без глобальной войны. С ходу мне даже не вспомнить другого прецедента, когда какая-нибудь достаточно многочисленная нация полвека обходилась без большой войны. По крайней мере в Европе или Америке я таких наций назвать не могу.

— И это говорит участник вьетнамской войны?

— Да, Корея, Вьетнам, Афганистан для их участников были весьма и весьма значимы. Но эти войны были полностью локализованы. Их эффект был местным, если не считать, разумеется, политических изменений в странах-участниках. Если же говорить о глобальных масштабах, то выросло два поко-

ления и лишь малая доля из них имеют непосредственный боевой опыт. Большинство тех, кто помнит Вторую мировую, кто видел ее собственными глазами, умерли. Изменения в восприятии людей невероятны. Мы на Западе...

— Вы продолжаете делить мир на Запад и Восток?

— Да, но при сохранении терминологии я вкладываю в это другие понятия. Во времена моей молодости Западом называли США и Западную Европу, а страны Варшавского договора и Советский Союз были Востоком. Я вырос в ожидании, что день может начаться с большого танкового сражения между Востоком и Западом или что на города обеих сторон упадут ракеты с ядерными боеголовками. Не думаю, что нужно говорить, как я был счастлив, когда опасность миновала, но должен уточнить, что сегодня, когда я думаю и говорю о «Западе», я включаю в это понятие и Россию. Мы были союзниками до того, как стали противниками, и я очень надеюсь, что в будущем мы встанем рядом с вами, а вы рядом с нами.

Как я говорил, мы на Западе подверглись радикальным изменениям в восприятии войны. В США существует весьма голосистое меньшинство, которое считает, что любой будущий конфликт ДОЛЖЕН происходить без потерь с нашей стороны. Повторяю: без потерь. Более того, любая война должна протекать с НАИМЕНЬШИМИ потерями со стороны противника! Эта вера дошла до того, что начата обширная программа исследований по разработке оружия, которое сможет уничтожить способность противника к сражению, но не повредит здоровью его самого. Таким образом, природа будущих войн происходит из гражданского понимания, каковыми они должны быть.

— Судя по вашему тону, лично вы в это не очень-то верите?

— Я уже говорил вам про Уильяма Текумсе Шермана, генерала, к которому я не питаю особой любви, но я не могу отказать ему в наблюдательности и остром языке. Во время франко-прусской войны он стал обозревате-

лем и прямо-таки шокировал пруссаков резкостью своих репортажей. Вероятно, его бесило, что пруссаки тщательно и старательно открывали заново то, что открыли армии Севера и Юга десятилетием раньше. Так вот, во время этой войны Шерман заметил: «Война полагает ад, — сказал он, — и нет возможности этого избежать». Забывать это опасно, так как можно столкнуться с теми, кто не забыл.

Мечты о бескровной войне должны сопровождаться выработкой правил поединка, правил, по которым должны вестись «гуманные» войны. Но мы видели и видим людей, которые не будут следовать никаким правилам и будут сражаться по своим собственным. Усама бен Ладен и иже с ним подкладывают бомбы, убивающие сотни невинных людей, дай им волю — они взорвут бомбу, которая убьет тысячи и миллионы. Они будут брать заложников и заставлять и исполнять политические убийства; звать к ним, призывая их присоединиться к «цивилизованным людям» бесполезно по определению.

К тому же правила всегда меняются. Иногда они меняются под воздействием сил, которые находятся не в нашей власти.

— Вы имеете в виду что-то типа глобального потепления?

— Изменение климата в будущем меня более чем беспокоит, даже если рассматривать только благоприятные сценарии. Если же рассматривать худшие, станет страшно. Их можно избежать, но... Народы «третьего мира» требуют исключительных прав в борьбе с глобальным потеплением, потому что, если следовать их логике, все происходящее — это заговор против них лично, и у них должен быть шанс уравниваться с развитым миром. Если наши лидеры даруют им эти права, то в начинающемся столетии Китай окажется главным загрязнителем окружающей среды и основным вкладчиком в глобальное потепление на Земле, но кто может их остановить? Так что климат становится дикой картой в общей военной игре.

Мы верим, что можем ограничить будущие войны — по протяженности, кровопролитию, месту действия, но можем ли мы? Можем ли мы хотя бы узнать, откуда придет следующая война или кем будет наш новый враг? Сегодня в сердце Африки, в Конго, семь народностей и три группы мятежников заняты тем, что многие называют «Первой мировой войной в Африке». Объединенные Нации пытаются остановить конфликт, но без видимого результата. Можно попытаться поверить, что эта война далеко, что в ней участвуют только страны «третьего мира», что нас она не коснется, но история знает случаи, как из крохотного конфликта раздувается масштабная война. Пожар Первой мировой загорелся от одной искры, но кто мог поверить, что все начнется с попытки сербов получить независимость от Австро-Венгрии? Любый «здоровый смысл» человек того времени сказал бы, что этого явно недостаточно, чтобы раздуть огонь.

— А откуда, по-вашему, может прилететь такая искра в наши дни?

— Мы этого не знаем, да и не можем знать. Сегодня многие нации, даже террористические организации, жаждут получить оружие массового уничтожения. Ядерная ракета, которая уничтожит Вашингтон, округ Колумбия или Москву, может быть пущена из такого места, о котором никто никогда и не подумает как о реальной угрозе. Пневмония, сибирская язва или эбола могут опустошить наши страны, а источником окажется страна, о которой никто и никогда не подумает как о могучем враге.

Особенности войны изменились так же явно, как арбалет сменился мушкетом, а винтовка заменила мушкет. Неуклюжий, почти бесполезный летательный аппарат 1914 года превратился в реактивный истребитель и межконтинентальную баллистическую ракету 2000 года. Но есть кое-что, что не изменилось.